

Негодование побуждает поэта сорвать «с чела, наморщенного думой, Бездушных радостей венок». Здесь «венки» — часть цепи поэтической оппозиции «венки — венец»⁸. Цепь эта замыкается, получив антонимичную пару:

И мира гордые обломки
Переживут венцы льстецов.

Особенность этой антонимии у Вяземского в том, что «венки», который, по мысли Ю. В. Манна, обычно окрашивается позитивно, здесь выступает в роли негативной. Положительное значение «венки радостей» имел в «Унынии», системе образов которого однороден его смысл — «знак отказа от громкой славы ради жизни неприметной, но исполненной естественных чувств, искренней приязни и любви»⁹. Такой «венки радостей» — несомненный атрибут «покоя и воли». С эпитетом «бездушных», который указывает на невозможный для Вяземского уход от общественно-политических событий, отказ от служения свободе, эмоциональная окраска образа меняется, становится негативной, но целостность цепи поэтической оппозиции не нарушается, и «невидимая нить» тесно скрепляет «Негодование» с «Унынием». В «Унынии» есть и свой эмоционально правильный «венки», с «Негодованием» не связанный:

С улыбкою любви в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы,
О сколько в нектар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

Этот образ, напоминающий аналогичный у Жуковского в элегии «Вечер» («В венке из юных роз с цевницею златой»), — символ радостей любви. Но позитивный смысл его не доживает до конца строфы и начинает рассматриваться как собственный антоним (любовь — «чаша радости» — «сосуд отравы»). Таким образом, налицо антонимичная пара, где вторая ее часть «прозрачно подразумевается», рождаясь из первой. «Так в форме движения лирических оппозиций уже предвещается романтический конфликт»¹⁰. Во вступлении «Негодования» вместо обращения к музе или античному богу искусств Вяземский, отрекаясь от прежнего кумира — уныния, восклицает: «Мой Аполлон — негодование!». «Бездушных радостей венки» сорван, чтоб «правде посвятить свой пламенный восторг».

В «Негодовании» Вяземский расстаётся с «покоем и волею», но в творчестве последующих лет вновь появляются не забытые, а лишь далеко упрятанные темы «Уныния». Таким было стихотворение «К ним» (1830), которое привлекло к себе внимание Пушкина и вызвало у него чрезвычайно интересный и характерный отклик. На черновом автографе этого стихотворения Пушкин написал: «Ради Христа, очисти эти стихи — они стоят „Уныния“»¹¹. Дальше по тексту рукописи Вяземского следуют предложения Пушкина, как «очистить» «К ним». Слова «незримою стрелою» поэт заключил в скобки и рядом написал: «Лишнее», не советуя чем-либо заменить эти слова, тогда как рядом с другими скобками есть замена. Если прочесть первую строфу так, как поправил Пушкин, получится:

.....
Быть может язвами, которыми гроза
Меня прожгла.

Заменить стих полустипишем без рифмы — значит обратить на него внимание читателя, заставить его задуматься. Такой поэтический прием знаком был Пушкину и был использован им, например, в стихотворении «Он меж-

⁸ Манн Ю. В. Указ. соч., с. 19.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 28.

¹¹ Вяземский П. А. Избранные стихотворения. М.— Л., «Academia», 1935, с. 502.